

Ф.Д. ДЖЕЙМС


P.D.J

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Беспорное
правосудие



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Ф. Д. Джеймс — королева английского детектива»

P.D. James

A CERTAIN JUSTICE

Перевод с английского *В. И. Бернацкой*

Компьютерный дизайн *А. И. Орловой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Greene and Heaton Ltd., Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Джеймс, Филлис Дороти.

Д40 Беспорное правосудие : [роман] / Филлис Дороти
Джеймс ; [пер. с англ. В. И. Бернацкой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2017. — 640 с. — (Ф. Д. Джеймс —
королева английского детектива).

ISBN 978-5-17-104567-8

Процесс по делу Гарри Эша, обвинявшегося в убийстве с особой жестокостью, выигран благодаря блестящей защите адвоката Венис Олдридж. Но вскоре после окончания судебного процесса ее находят в собственном кабинете мертвой, с окровавленной головой.

Адам Дэлглиш, расследуя обстоятельства ее гибели, выясняет: многие не любили молодую удачливую юристку и завидовали ей. А в деле Гарри Эша, которым она занималась, скрыто много тайн, связанных с семьей самой Венис Олдридж. И похоже, неизвестный преступник не остановится ни перед чем, чтобы они никогда не всплыли наружу...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104567-8

© P.D. James, 1997
© Перевод. В.И. Бернацкая, 2017
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2017

Оглавление

Книга первая	
ЗАЩИТНИК ОБВИНЯЕМОГО	7
Книга вторая	
СМЕРТЬ В «ЧЕМБЕРС»	165
Книга третья	
ПИСЬМО С ТОГО СВЕТА	360
Книга четвертая	
ЗАРОСЛИ КАМЫША	558

Книга первая

ЗАЩИТНИК ОБВИНЯЕМОГО

Глава первая

Убийцы обычно не уведомляют своих жертв о готовящемся против них преступлении. И этой смерти тоже, как бы ни ужаснула она жертву в последний момент, все же не предшествовало мучительное ожидание конца. Когда в среду днем 11 сентября Венис Олдридж поднялась, чтобы подвергнуть перекрестному допросу главного свидетеля обвинения в деле «Королева против Эша», ей оставалось жить четыре недели, четыре часа и пятьдесят минут. После ее смерти многие, кто ею восхищался, и немногие, кто ее любил, желая внести личную нотку в общий хор из возгласов ужаса и негодования, невнятно бормотали, что Венис, несомненно, понравилось бы, знай она, что ее последнее дело слушалось в Первом суде Олд-Бейли*, любимом месте, помнящем ее величайшие победы.

И в этом была своя истина.

* О л д - Б е й л и — Центральный уголовный суд в Лондоне. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Первый зал Центрального суда покорила ее с самой первой минуты, когда она пришла туда еще студенткой. Венис всегда старалась контролировать ту часть сознания, которая, как она подозревала, легко оказывается в обольстительных сетях исторических традиций, и все же не могла сопротивляться элегантности этого зала, обитого деревянными панелями, и самой атмосфере, которая ее окрыляла, принося одно из сильнейших наслаждений, которые давала профессия. Размеры и пропорции зала говорили об удивительном чувстве меры; гербы с богатой резьбой над столом председателя и великолепный, изготовленный в семнадцатом веке Меч Правосудия, висящий чуть ниже, выглядели столь же достойно; казался интригующим и контраст между свидетельской трибуной под навесом, выглядевшей как кафедра проповедника, и широкой скамьей для подсудимых напротив судьи. Как все места, идеально приспособленные для нужных целей, где присутствует все необходимое, и нет ничего лишнего, оно пробуждало чувство покоя и даже вызывало иллюзию, что человеческими страстями можно управлять. Однажды, когда, любопытства ради, Венис поднялась на общую галерею и некоторое время сидела там, глядя вниз на пустой зал, ей пришло в голову, что только здесь, где зрители сидят плотно, как сельди в бочке, воздух пропитан ужасом, надеждой и отчаянием.

И вот она снова в любимом зале. Венис не ожидала, что это дело будет слушаться в самом пре-

стижном суде Олд-Бейли и вести его будет член Высокого суда, но случилось так, что предыдущий процесс отменился, и расписание судьи и определение места заседания было пересмотрено. Она сочла это хорошим знаком. У нее были и поражения в этом зале, но горечи они не оставили. Да и побед здесь было значительно больше.

Сегодня, как и всегда, Венис не смотрела в сторону судьи, присяжных, свидетелей. Она редко переговаривалась со своим помощником или с юристом Эша, сидящим впереди, и никогда ни на минуту не заставляла себя ждать, когда надо было извлечь из кипы бумаг единственно нужную. Ни один защитник не входил в зал суда подготовленный лучше, чем она. На своего подзащитного Венис тоже редко смотрела, а если и поглядывала, то незаметно, лишь слегка повернув голову к скамье, на которой он сидел. Однако ни на секунду не забывала о его молчаливом присутствии, как не забывали о нем и члены суда. Гарри Эш, которому на момент суда был двадцать один год и три месяца, обвинялся в убийстве родной тетки, миссис Риты О'Киф, найденной с перерезанным горлом. Один точный удар был роковым. Остальные множественные раны на полуобнаженном теле были нанесены словно в приступе безумия. Часто при совершении особенно жестокого убийства обвиняемый кажется окружающим слишком заурядным человеком, неподходящим кандидатом для такого страшного преступления. Но в данном слу-

чае во внешности подсудимого не было ничего заурядного. Чтобы воссоздать в памяти черты лица молодого человека, Венис не нужно было лишний раз на него смотреть.

У подсудимого были черные волосы, глаза, хмуро взиравшие на мир из-под прямых густых бровей, большой рот, тонкие, упрямо и жестко сложенные губы, заостренный нос. Длинная и тонкая шея придавала его голове вид жреческой хищной птицы. Эш не ерзал на месте и вообще почти не двигался, просто сидел с прямой спиной посередине скамьи с охранниками по бокам. В сторону жюри присяжных, слева от него, почти не глядел. Только раз, во время вступительного слова обвинителя, Венис заметила, что он посмотрел вверх, где сидели зеваки, взгляд его презрительно скользнул по рядам, как бы оценивая, какого рода аудиторию он привлек, а потом снова перевел взгляд на судью. Но в его неподвижности не было никакого напряжения. Напротив, он производил впечатление человека, привыкшего к публичности, и вел себя как юный князек в окружении придворных на народном празднике, где, не получая никакого удовольствия, просто отбывал повинность. А вот присяжные, обычная «сборная солянка» из мужчин и женщин, призванных разобраться в этом деле, показались Венис странно подобранным сбродом. По меньшей мере четверо из них — в джемперах и рубашках с открытым воротом — выглядели так, словно собрались помыть машину. Обвиняемый по контра-

сту был одет с иголочки — в темно-синий костюм в полоску и рубашку такой ослепительной белизны, что ее можно было использовать в рекламе стирального порошка. Костюм был хорошо отутюжен, хотя и плохо скроен: из-за подкладных плеч атлетическое молодое тело казалось по-юношески нескладным. Неплохо задумано: костюм говорил о чувстве собственного достоинства владельца и одновременно о его эмоциональной ранимости — на этом сочетании Венис и собиралась сыграть.

К Руфусу Мэтьюсу она испытывала уважение, но не симпатию. Цветистое красноречие устарело, да и прежде не было присуще обвинению, но Руфус любил побеждать. Он заставит ее сражаться за каждый пункт. В своем вступительном слове обвинитель изложил суть дела кратко и бесстрастно, словно хотел подчеркнуть, что все настолько ясно, что не требует особых пояснений.

Гарри Эш жил с миссис Ритой О'Киф, теткой по материнской линии, в доме номер 397 по Уэст-вэй в течение года и восьми месяцев до ее смерти. Детство Гарри прошло в приютах, откуда его восемь раз забирали разные приемные родители, но потом возвращали обратно. Повзрослев, он бомжевал в Лондоне, какое-то время работал в баре на Ибице, а потом переехал к тетке. Отношения между племянником и теткой вряд ли относились к разряду нормальных. Миссис О'Киф любила развлекаться с мужчинами, а Гарри — то ли по принуждению, то ли по собственному желанию —

фотографировал их сексуальные игры. Эти фотографии прилагались к делу.

В вечер убийства, 12 января в пятницу, миссис О'Киф и Гарри видели с шести до девяти в ресторане «Герцог Кларенс» в Костроув-Гарденс в полутора милях от Уэствэя. Между ними произошла ссора, и Гарри вскоре после девяти покинул ресторан, сказав, что идет домой. Тетка осталась и продолжала пить. Около половины одиннадцатого ее отказались обслуживать, и двое друзей усадили женщину в такси. К этому времени она уже лыка не вязала. Однако мужчины рассудили, что от такси она доберется до квартиры на своих ногах. Таксист высадил ее у дома и видел, как в десять сорок пять она вошла в калитку.

В десять минут первого в полицию позвонил Гарри Эш и рассказал, что, вернувшись с прогулки, обнаружил в доме мертвое тело. Полиция приехала уже через десять минут. Почти полностью обнаженная миссис О'Киф лежала на диване в гостиной с перерезанным горлом. После смерти тело, видимо, продолжали полосовать ножом, нанеся в общей сложности девять ран. По мнению судебного патологоанатома, осмотревшего труп в двенадцать сорок, миссис О'Киф умерла вскоре после возвращения домой. Не было никаких следов взлома и ничего, что наводило бы на мысль о попойке или о визите ночного гостя.

В ванной на душевом кране обнаружили кровь миссис О'Киф, еще два кровавых пятна отыска-

лись на лестничном ковре. Примерно в ста ярдах от дома, под живой изгородью, нашли большой нож. Подсудимый и уборщица признали по треугольному сколу на рукоятке нож из кухонной утвари миссис О'Киф. Отпечатков на нем не было.

Полиции подсудимый рассказал, что после ресторана долго гулял по улицам в районе Уэствэя и, вернувшись домой только после полуночи, нашел тетку убитой.

Однако обвинитель заявил, что суд заслушает показания соседки, которая, по ее словам, видела, как Гарри Эш выходил из дома в вечер убийства в 23.15. По версии государственного обвинения, Гарри Эш из ресторана сразу пошел домой, дождался тетку и, находясь, возможно, тоже без одежды, зарезал ее кухонным ножом. Затем принял душ, оделся и вышел из дома в 23.15, чтобы обеспечить себе алиби.

Заключительные слова Руфуса Мэтьюса были по сути формальные. Если присяжных убедят свидетельства вины Гарри Эша, их долг вынести вердикт: виновен в убийстве миссис Риты О'Киф. Но если в конце процесса у них останутся достаточные сомнения в его вине, тогда подсудимого следует оправдать.

Перекрестный допрос Стивена Райта, хозяина «Герцог Кларенс», на третий день суда прошел для Венис, как она и ожидала, довольно легко. На свидетельскую трибуну он взошел с самодовольным видом человека, решившего показать всем

этим ученым «парикам» и «алым мантиям», что он не робкого десятка, а небрежно произнесенная им присяга ясно показывала пренебрежение к устаревшему ритуалу. На его сальную усмешку Венис ответила долгим холодным взглядом. Обвинение вызвало Райта, чтобы подтвердить слова очевидцев о том, что в ресторане между миссис О'Киф и племянником установились напряженные отношения, и женщина, казалось, побаивалась своего племянника. Но Райт был неубедителен и страстен и не смог противостоять другим свидетелям, говорившим, что Эш мало пил и мало говорил. «Да, он вел себя тихо, — сказал Райт, высокомерно повернувшись к жюри. — Но это молчание сулило беду. И все время смотрел на нее этим своим жутким взглядом. Чтобы вызвать страх, ему не надо пить».

Венис получила удовольствие от этого перекрестного допроса и, когда Стивена Райта отпустили, не смогла удержаться от сочувственного взгляда на Руфуса, который поднялся, чтобы как-то смягчить неприятный осадок от показаний свидетеля. Оба знали, что последние несколько минут украли нечто большее, чем веру в одно свидетельское показание. Всякий раз, когда свидетель обвинения демонстрирует свою несостоятельность, тень недоверия падает и на само обвинение. Венис знала, что с самого начала обладает преимуществом: жертва не вызывала инстинктивного сочувствия. Покажите присяжным фотографию под-

вергшегося насилию мертвого ребенка, хрупкого, как только что оперившийся птенец, и некий атавистический голос обязательно шепнет им: «Кто-то должен за это ответить». Жажда мести, которую так легко спутать с требованием справедливости, всегда работает на обвинение. Присяжным не хочется осудить невиновного, но им нужно кого-то наказать. Свидетелю обвинения часто верят, потому что хотят этого. Но фотографии, сделанные полицией, на которых был виден дряблый, развалившийся живот, раскинутые груди и рассеченные сосуды, вызывали, по ассоциации со свиной тушей, подвешенной на крюк мясника, скорее, отвращение, чем сочувствие. Эти снимки полностью уничтожили ее как личность. Именно тут кроется трудность в деле об убийстве: жертва не может защитить себя. Рита О'Киф была непривлекательной, сварливой, пятидесятипятилетней пьяницей с непреодолимым влечением к джину и сексу. Четверо присяжных были молодыми людьми, двое только-только достигли нужного для выполнения этой обязанности возраста. Старость и некрасивость отталкивают молодых. Их внутренний голос пробормочет что-то вроде: «Сама доигралась».

И вот сегодня, на второй неделе и седьмом дне судебного процесса, пришло время решающего, по мнению Венис, перекрестного допроса главного свидетеля — соседки жертвы, миссис Дороти Скалли, шестидесятидевятилетней вдовы, той самой женщины, которая сказала полиции, а теперь